

Все уже зашло так далеко, и никто из присутствующих всё равно не ожидал, что Ци Шань и правда сможет просто взять и уйти. Линь Синь-нян даже сердито рассмеялась. Она долго смотрела ему вслед и только потом пришла в себя, осознав: он действительно ушёл.

А вот Ло Цинчжу отреагировал спокойно, будто совсем не удивился. Он присел, поднял с земли выбитое письмо о разводе, аккуратно сложил его пополам и бережно спрятал за пазуху.

Глаза Линь Синь-нян распухли и покраснели от слёз, веки словно размокли, на лице ещё виднелись влажные дорожки. Она, плача, обняла Ло Цинчжу и запричитала:

— Сынок мой... за что тебе такая горькая доля, что ты нарвался на такого бессердечного волка! А я ведь прежде думала, что он хороший... Как же он тебя погубил!

Ло Цинчжу, который только что хотел покончить с собой, теперь, наоборот, выглядел спокойным. Он даже поднял руку, похлопал мать по плечу и тихо утешил её:

— Мама, всё хорошо. Когда я с ним разведусь, дальше жить станет легче.

Ло Майэр вытерла слёзы, потом вышла из кухни, держа в руках две чашки имбирного отвара, и, поджав губы, протянула одну брату. Девочка жалобно смотрела на Ло Цинчжу. Она всегда была бесстрашной, словно жгучий перчик: кто её обидит - даже если она не сможет победить, всё равно кинется и откусит кусок. Ло Цинчжу редко видел у неё такое выражение лица. Но он понимал: младшая сестра просто жалеет его.

Ло Цинчжу вздохнул про себя, с усилием выдавил улыбку, погладил сестру по двум пучкам на голове и мягко утешил:

— У Майэр ручки становятся всё более ловкими. Как красиво волосы уложила!

Ло Майэр была грубовата характером и не слишком умела в тонких делах. До замужества Ло Цинчжу любил наряжать младшую сестру: заплетал ей красивые косы, вышивал цветочки и травы на одежде. Когда он был дома, Ло Майэр всегда была беленькой, нежной и очень хорошенькой девочкой.

Потом Ло Цинчжу вышел замуж в деревню Сяхэ, а Линь Синь-нян была занята торговлей и не имела времени прихорашивать дочь. Девчонка становилась всё более дикой, постепенно выросла настоящей обезьянкой: целыми днями носилась снаружи и загорела до черноты. Только за последние пару лет, став старше, она снова начала любить красоту и учиться приводить себя в порядок.

Ло Цинчжу ещё парой фраз утешил сестру, потом взял из её рук чашку с отваром. Немного помедлив, он наконец посмотрел на всё это время молчавшего Сун Цинфэна и спустя долгую паузу позвал:

— Мясник Сун... Сегодня я помутился рассудком. Спасибо тебе, что спас меня. Ты... ты тоже в воду прыгал, выпей чашку имбирного отвара, согрейся.

Сам Ло Цинчжу хотя бы успел переодеться, а Сун Цинфэн всё ещё был мокрым с головы до ног. Линь Синь-нян только дала ему сухое полотенце, чтобы он вытер волосы.

Услышав, что Ло Цинчжу позвал его, да ещё и обратился «мясник Сун», Сун Цинфэн с непонятным выражением посмотрел на него. Его каменно-жёсткое лицо вдруг странно сморщилось. Но он всё-таки двинулся с места, подошёл и принял из рук Ло Цинчжу большую чашку. Стоило ему открыть рот, как он неожиданно начал заикаться:

— Н-ничего... ничего такого. Ты... ты тоже не... не слишком горюй.

Говорил он так сбивчиво, будто разучился разговаривать. Ло Цинчжу склонил голову, пытаясь вспомнить: в детстве этот человек тоже так говорил? Кажется, нет?

Все эти годы Ло Цинчжу жил в деревне Сяхэ, а Сун Цинфэн перебрался в городок. Они почти не виделись, близкими их уже нельзя было назвать. Единственные воспоминания о нём оставались из детства. Детские товарищи, повзрослев, незаметно стали чужими.

Ло Цинчжу поднял глаза и посмотрел на него. Он заметил, что Сун Цинфэн стоит вполоборота и с самого начала до конца ни разу не посмотрел ему прямо в лицо. Ло Цинчжу решил, что тот, наверное, считает его обузой - из-за него он потерял целый день дел.

Подумав об этом, он снова заговорил:

— О сегодняшнем...

Но он ещё не успел договорить, как Сун Цинфэн торопливо перебил:

— О сегодняшнем я... я никому не скажу! Не волнуйся!

Стиснув зубы, Сун Цинфэн чувствовал, что опозорился, но язык будто нарочно не слушался. Он быстро бросил одну фразу, потом так же быстро влил в горло целую чашку имбирного отвара, сунул пустую посуду Линь Синь-нян и поспешно сказал:

— Тётушка, я пойду.

Сказав это, он ушёл, даже не обернувшись, словно спасался бегством.

— Эй!

Линь Синь-нян сделала пару шагов следом, но разве могла она догнать взрослого высокого мужчину? Стоило ей выбежать за дверь, как она увидела, что он уже далеко.

— Эх, вот так сразу и ушёл... Сегодня ведь всё благодаря ему!

Ло Цинчжу выпил большую чашку горячего имбирного отвара, но всё равно не удержался и потёр плечи. В следующую секунду он дважды чихнул. Уже началась зима, речная вода была ледяной до костей. В это время даже деревенские женщины и фуланы уже не стирали одежду у реки - вода так холодила руки, что пальцы коченели.

Линь Синь-нян поспешно подошла, обняла Ло Цинчжу и стала уговаривать:

— Хороший мой, иди скорее в комнату, отдохни... Майэр, принеси брату толстое одеяло.

Ло Цинчжу и правда чувствовал себя совершенно измученным. После того, что случилось вчера, он совсем пал духом. И лишь теперь, вернувшись домой, почувствовал, будто снова ожил. А когда мать обняла его, нос у него снова защипало от слёз. Как в детстве, он ласково потёрся о шею Линь Синь-нян и тихо, мягким голосом согласился. Потом вернулся в комнату и лёг.

Ло Цинчжу был замужем уже пять лет, но дома всё это время по-прежнему сохраняли его комнату. Линь Синь-нян часто убиралась там и приводила всё в порядок, всё надеялась, что когда-нибудь её гэр вернётся домой погостить.

Прошлую ночь он не спал совсем, устал до крайности. Но дел было слишком много, и Ло Цинчжу думал, что не сможет уснуть. Кто бы мог подумать, что стоило голове коснуться подушки, как сонливость тут же нахлынула. Вдыхая знакомый запах постели, он вскоре уснул.

Снаружи Линь Синь-нян ещё раз поблагодарила Лю Гуюя и остальных, попрощалась с ними, проводила их, а потом повела дочь на кухню хлопотать.

Из-за того, что дома случилась беда, Линь Синь-нян несколько дней не ездила в городок торговать. Она только одолжила Лю Гуюю свою ослиную повозку, а сама с Майэр оставалась дома, чтобы быть рядом с Ло Цинчжу.

Ло Цинчжу заболел. В первый день его лицо горело от жара, всё было покрасневшее, и он ещё долго горько плакал. Лишь на следующий день ему постепенно стало лучше. Жар спал, сознание прояснилось. Он больше не плакал, но по лицу было видно, что на душе у него тяжело. Когда он видел мать и младшую сестру, он тоже улыбался, но эта улыбка явно была натянутой.

Если говорить начистоту, развод был делом важным, но Ло Цинчжу заболел, поэтому это дело пришлось пока отложить. Кто бы мог подумать, что Ло Цинчжу ещё не успеет пойти в деревню

Сяхэ искать Ци Шаня, чтобы оформить развод, как мать Ци сама ворвётся к ним и устроит скандал, катаясь по земле и поднимая шум.

— Все сюда! Люди добрые, идите сюда, посмотрите! Где это видано, чтобы невестка-гэр так себя вёл! Хорошего гэра воспитала семья Ло, а? Чуть что не по его, сразу к матери домой сбегает! А кто домашнюю работу делать будет?!

— Все идите сюда и рассудите старуху! Эта невестка-гэр не чтит старших, совсем небо перевернуть хочет!

□□.....

Мать Ци хлопала себя по бёдрам и плюхнулась прямо на землю, выкатившись вся в грязи и пыли. Она то колотила ладонями по земле, то дрыгала ногами, будто вот-вот и правда начнёт кататься по двору.

Сейчас страда уже прошла, жители деревни отдыхали по домам, и её вопли с причитаниями быстро привлекли немало людей. Но у Ло Цинчжу в деревне была очень хорошая репутация. Кто его видел, тот хвалил. вспомнить хотя бы первый год после его замужества: тогда в деревне немало молодых парней ещё долго жалели и горевали.

Ей никто не поверил. Кто-то даже скривил губы и сказал:

— Эй! Ты из деревни Сяхэ пришла скандалить в нашу деревню, это нехорошо!

— Скажи ты, что Линь Синь-нян вспыльчивая, мы бы ещё поверили! Но Чжу-гэр - лучший из детей! Кто его увидит, тому он нравится! Не надо пользоваться тем, что тебе досталось хорошее, и ещё жаловаться!

Мать Ци вытаращила глаза и тут же огрызнулась:

— Тьфу! Хороший? Где он хороший?! Уже пять лет как вошёл в наш дом, а в животе ни шевеления! Раз он вам так нравится, забирайте себе!

— Эта дешёвая шкура, этот проклятый гэр! Только и знает, что пользоваться тем, что мой сын его любит! Поругались на пару слов, и он сразу сбежал к матери, уже несколько дней не возвращается!

Она ругалась яростно, язык у неё был бойкий, и одна она сумела перекричать всех.

Сначала деревенские ещё отвечали громко, но стоило им услышать: «пять лет в доме, а детей всё нет», как голоса постепенно стихли.

Добрый он - и что с того? Послушный - и что? Понимающий - и что? Работящий - и что?

Если гэр не может родить ребёнка, все эти достоинства словно стирались начисто.

Люди вслух ничего не говорили, но в душе всё равно вздыхали с сожалением: Чжу-гэр-то хороший, очень хороший, но почему же он не может рожать?

Впрочем, нашлись и те, кто тихо пробормотал, явно всё ещё не веря словам матери Ци:

— Даже если он не может родить, одно к другому не относится. Чжу-гэр на вид такой разумный, разве он мог из-за простой ссоры закатить истерику и сбежать к матери?

Мать Ци упёрла руки в бока и уже собиралась снова огрызнуться, но тут плетёная калитка дома Ло резко распахнулась. В следующую секунду ей в лицо хлестнул резкий порыв, только это был не ветер.

Линь Синь-нян вылетела наружу, вся кипит от ярости, и с ходу влепила ей звонкую пощёчину.

— Па-а!

Она размахнулась во всю силу, ударила так, что мать Ци застыла на месте. Половина её лица на глазах распухла.

Мать Ци пришла сюда специально скандалить. Она ещё не знала, какую мерзость натворил её сын, и не знала, что супруги уже тайком ходили к лекарю. Лекарь прощупал пульс и сказал: проблема была в Ци Шане. В этой жизни ему, скорее всего, не суждено иметь детей. Услышав это, Ци Шань будто получил удар громом. Он был гордым и боялся, что слухи разойдутся, что над ним станут смеяться. Он долго умолял Ло Цинчжу скрыть это за него и даже говорил, что им и вдвоём хорошо, что в будущем они обойдутся без детей.

Тогда последующих событий ещё не случилось. Супруги жили в согласии, а Ло Цинчжу был мягкосердечным, так что, конечно, согласился. Но после возвращения домой мать Ци всё равно каждый день торопила их с ребёнком и бранилась дома на чём свет стоит.

Ци Шань хотел сохранить достоинство. Он скрывал это даже от родных отца с матерью, боялся, что дело раздуется и его маленький «недостаток» станет известен всем. Он ломал голову несколько дней и наконец придумал, как ему казалось, «превосходный план».

А потом и случилось то, что произошло пару дней назад.

Мать Ци от удара застыла на месте. Она и подумать не могла, что Линь Синь-нян осмелится поднять на неё руку. Она искренне считала, что правда на её стороне. Где это видано, чтобы

невестка день за днём сидел в материнском доме и не возвращался? А когда за ним пришли, его семья ещё и посмела её ударить!

Но Линь Синь-нян не просто ударила. Она била и ругалась. Одной пощёчины оказалось мало, надо было сделать этой старой ведьме лицо симметричным!

— Я прибью тебя, старая поганая пасть! Пришла к моим воротам бесчинствовать, думаешь, я травой питаюсь?!

— В прошлый раз ты ударила моего Чжу-гэра, а я ещё не пришла с тобой счёты сводить! А ты сама заявила! Что, твой сын натворил таких бессовестных, безнравственных дел, что даже родной матери рассказать не посмел?!

Мать Ци толком и не расслышала, что именно кричала Линь Синь-нян. Она знала только одно: её ударили. От ярости она обезумела, закатала рукава и бросилась вперёд - драться с Линь Синь-нян.

Но Линь Синь-нян была не из тех, кого легко запугать. У неё был острый язык, и руки тоже были крепкие. Она много лет жила вдовой. В молодости к её воротам часто приходили всякие негодяи устраивать неприятности. Чтобы удержать дом на ногах, она даже мужчин бить не боялась: схватит кухонный нож и готова выбежать наружу. Так и натренировала кулаки да ноги.

Другие женщины и фуланы, когда дерутся, самое большее щиплют за мясо да таскают за волосы. А она дралась по-настоящему: кулаками и ногами. Обратным движением схватила мать Ци за руку, затем ударила ногой ей под колено, так что та рухнула на колени, и следом отвесила ещё несколько пощёчин, избив её до синяков и распухшего лица.

После этой схватки лицо матери Ци было пятнами - где сине, где красно, уже и человека толком не разобрать. У Линь Синь-нян лишь подол юбки чуть запачкался.

Увидев эту жалкую, раздражающую рожу матери Ци, Линь Синь-нян наконец почувствовала, что на душе стало немного легче. Она отпустила её, отбросив в сторону, упёрла руки в бока и выдохнула. Мать Ци сидела на земле и разрыдалась. На этот раз она плакала по-настоящему от боли. Слёзы текли по ссадинам, и от этого боль становилась ещё сильнее.

Плача, она причитала:

— Нет справедливости! Родная мать помогает своему гэру бить свекровь! Ай-яй, что творится! Ваша деревня Шанхэ такая властная! Кто после этого посмеет жениться на девушках и гэрах из вашей деревни?!

Большинство людей склонны сочувствовать слабому. Увидев, что мать Ци избита до крови из

носа, а Линь Синь-нян стоит у ворот целая и невредимая, разве что волосы чуть растрепались, среди окруживших их зевак наконец раздался голоса.

— Ло-цзя, хватит уже. Если раздуешь это слишком некрасиво, твоему Чжу-гэру тоже добра не будет.

— Вот именно... Что вообще с Чжу-гэром? Почему он домой не возвращается?

— Да, правда ведь, так тоже нельзя...

...

Линь Синь-нян была так зла, что едва не задымилась от ярости, но всё же не могла рассказать вслух, какие обиды вынес её сын.

Да, это Ци Шань поступил подло и мерзко. Но если всё разойдётся по людям, больше всего обсуждать будут всё равно Ло Цинчжу. Может, за спиной начнут гадать, удалось ли тогда ночью что-то или нет, а потом станут перемалывать грязные, отвратительные сплетни.

Для девушек и гэров репутация важнее всего. Стоит ей испортиться, и по слову от каждого человека можно довести до смерти. Её Цинчжу совсем недавно уже бросался в реку. Линь Синьнян и правда не смела рисковать, боялась, что он снова не выдержит.

Она упёрла руки в бока, гневно уставилась на сидящую на земле и устраивающую истерику мать Ци, собираясь ещё раз выругаться. Но вдруг рядом раздалось несколько кашлей. Она повернула голову и увидела: вышел Ло Цинчжу. Его поддерживала Майэр.

Он встал рядом с Линь Синь-нян, сверху вниз посмотрел на мать Ци, сидевшую на земле, и спокойно сказал:

— Похоже, твой хороший сын и тебе правды не сказал. Даже родную мать обманул.

— Раз он не говорит, скажу я.

— Это он не может иметь детей.

— Ты меня ясно услышала? Он. Не может. Дать. Ребёнка.

<http://bllate.org/book/17177/1643066>